

ЗАБЫТЫЕ ТЕКСТЫ
ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА
выпуск I

А. АММОСОВ
С. ФРУГ
С. ДРОЖЖИН
Д. РАПАУЗ
К. ЛЬДОВ

Спиридон Дрожжин

**Забытые тексты,
забытые имена. Выпуск 1**

«Знакъ»

2016

Дрожжин С. Д.

Забытые тексты, забытые имена. Выпуск 1 / С. Д. Дрожжин —
«Знакъ», 2016

ISBN 978-5-04-014193-7

При жизни их почитали современники, они много печатались, на стихи этих поэтов писались песни и сочинялись романсы. Казалось, что их имена уже навечно вписаны в золотой фонд русской литературы. Однако этого не произошло. Все они были забыты, и их книги помнят теперь лишь специалисты и библиофилы. Многие из этих литераторов совсем не заслужили забвения. Их жизнь и творчество необходимо не только вспомнить, их нам полагается знать.

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-04-014193-7

© Дрожжин С. Д., 2016
© Знакъ, 2016

Содержание

Александр Аммосов	5
Поэт, гражданин, защитник Отечества	6
Стихотворения	8
Элегия	8
Серенада	9
«Не позабудь меня вдали...»	10
Колокольчик	11
Отрывок из письма	11
Пародия на стихотворение г. Некрасова «Тройка»	12
Последние дни жизни и кончина А.С. Пушкина[5]	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Забытые тексты, забытые имена: Выпуск 1

Александр Аммосов

Александр Аммосов

При составлении использованы издания:

*[Аммосов, А.] **Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина:** Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта Константина Карловича Данзаса СПб. 1863 г. Издание Я.А. Исакова.*

*А.Н. Аммосов. **Стихотворения. «Поэты 1860-х годов».** Из серии «Библиотека поэта» (малая серия). Издание третье. Ленинград, «Советский писатель», 1968.*

Все публикуемые тексты приведены в соответствие с правилами современного русского языка.

Поэт, гражданин, защитник Отечества

«К концу двадцатого века типографии будут продаваться на снос.

Их никто не покупает,

Никто даром не берёт.

Люди станут опять свободны от «пишущей братии», – и может быть, тогда выучатся танцевать, устраивать рауты, полюбят музыку, полюбят обедню, будут опять любить свято и чистосердечно. Будут счастливы и серьёзны...» Так писал в десятых годах двадцатого века Василий Васильевич Розанов. Александр Николаевич Аммосов, пожалуй, считал ровно наоборот: иное время, иные нравы, иное отношение к культуре и литературе. Это было время, когда литература утверждала в обществе высокие принципы свободы и достоинства человеческой личности, нравственности и гуманизма, когда быть причастным к литературе считалось не только почётно, но и модно.

Однако Александр Николаевич Аммосов, в отличие от многих своих собратьев по перу, не отличался ни гордыней, ни честолюбием.

Его можно было бы считать «чернорабочим» от литературы, если бы не очевидный талант, светлый юмор и лёгкий слог, присущий как его поэзии, так и его прозе.

Очень многие знают романс Константина Лядова «Колокольчик» и песню «Хасбулат удалой», ставшую народной. Но мало кто помнит их автора – поэта и офицера, участника всех войн Российской Империи, выпавших на его время, награждённого за личное мужество золотым оружием «За храбрость».

Аммосов Александр Николаевич родился 21 сентября (3 октября) 1823 года, умер от последствий тяжёлых ранений 24 августа (5 сентября) 1866 года. Происходил из дворян Петербургской губернии. Отец, генерал-майор Н.А. Аммосов (1787–1868), – изобретатель парового отопления – «аммосовских печей», которые впервые были применены в Зимнем дворце для обогрева здания. Николай Алексеевич дал сыну хорошее домашнее образование. По окончании Петербургского университета (1845) Александр поступил юнкером в Люблин, егерский полк; в том же году в сражении с горцами ранен в голову. Участвовал в 1849 в походе в Венгрию, а в 1853–1855 в Крымской войне на Дунае и в Севастополе. Во время Кавказских походов 1859–1863 годов, Александр Аммосов служит под командой Константина Карловича Данзаса – бывшего секунданта Александра Пушкина, сосланного на Кавказ «за недонесение» о дуэли. От Данзаса он узнаёт подробности этой дуэли, лёгшие впоследствии в его книгу «Последние дни жизни и кончина А.С. Пушкина». В годы Польского восстания 1863 года Александр Аммосов находился в составе русской армии в Польше. После завершения военной карьеры Александр Николаевич перешёл на гражданскую службу, получил чин статского советника и до своей смерти работал управляющим Волынской палаты государственных имуществ.

Александр Николаевич Аммосов был неистощимый весельчак, несмотря на последствия тяжёлых ранений, полученных им на военной службе. Его экспромты и эпиграммы на известных петербургских и российских деятелей имели широкое хождение в «свете».

Согласно свидетельству Петра Шумахера и ещё нескольких знатоков из числа современников, Александр Аммосов также являлся одним из соавторов Козьмы Пруткова, написав «за него» по крайней мере два стихотворения («Запятки», «Пастух и молоко», возможно и другие), едва ли не лучшие в наследии «гениального стихотворца».

Современники знали Александра Николаевича не только как поэта и мастера меткого слова, но и как прекрасного рассказчика и сочинителя многочисленных анекдотов.

Своеобразие лирики Александра Аммосова, во многом традиционной, альбомной, придают прозаизмы и разговорные интонации. Его сюжетные вещи об «униженных и

оскорблённых» лишены всяческого социального подтекста, но благодаря меткости языка и авторской способности к сопереживанию своим героям, его персонажи воспринимаются удивительно живо, при всей своей социально-бытовой конкретике. Нередко Александр Аммосов использует народные приёмы «перепева», оставаясь при этом узнаваемым и самобытным автором.

В данном издании публикуются только те произведения, авторство которых не подвергается сомнению. Современники Александра Николаевича знали гораздо больше сочинений Аммосова, однако не все они принадлежали его перу.

Надеемся, что читателю будет небезынтересно вспомнить талантливого русского литератора и патриота своего Отечества – Александра Николаевича Аммосова.

В.М.

Стихотворения

Элегия

«Хас-Булат удалой!
Бедна сакля твоя;
Золотою казной
Я осыплю тебя.

Саклю пышно твою
Разукрашу кругом,
Стены в ней обобью
Я персидским ковром.

Галуном твой бешмет
Разошью по краям
И тебе пистолет
Мой заветный отдам.

Дам старее тебя
Тебе шашку с клеймом,
Дам лихого коня
С кабардинским тавром.

Дам винтовку мою,
Дам кинжал Базалай,
Лишь за это свою
Ты жену мне отдай.

Ты уж стар, ты уж сед,
Ей с тобой не житьё,
На заре юных лет
Ты погубишь её.

Тяжело без любви
Ей тебе отвечать
И морщины твои
Не любя целовать.

Видишь, вон Ямман-Су
Моет берег крутой,
Там вчера я в лесу
Был с твоею женой.

Под чинарой густой
Мы сидели вдвоём,

Месяц плыл золотой,
Всё молчало кругом.

И играла река
Перекатной волной,
И скользила рука
По груди молодой.

Мне она отдалась
До последнего дня
И аллахом клялась,
Что не любит тебя!»

Крепко шашки сжимал
Хас-Булат рукоять
И, схватясь за кинжал,
Стал ему отвечать:

«Князь! рассказ длинный твой
Ты напрасно мне рёк,
Я с женой молодой
Вас вчера подстерёг.

Береги, князь, казну
И владей ею сам,
За неверность жену
Тебе даром отдам.

Ты невестой своей
Полюбуйся поди,
Она в сакле моей
Спит с кинжалом в груди.

Я глаза ей закрыл,
Утопая в слезах,
Поцелуй мой застыл
У неё на губах».

Голос смолк старика,
Дремлет берег крутой;
И играет река
Перекатной волной.

Серенада

Город спит в дали туманной,
Освещён лишь бельведер,

И играет иностранный
На гитаре офицер.

Звучно стройная гитара
Изливает нежный стон:
«Сага mia, mia сага! ¹
Выйди, выйди на балкон!»

Полны слёз слова живые,
Но безмолвен бельведер,
И опять «о сага mia!»
Продолжает офицер.

Голос плакал музыканта;
Вот слышали его...
Из окна – Maria santa! ² —
Чем-то облили всего!..

Жаль мне нового мундира, —
Maledetto ³ бельведер!..
И в волнах Гвадалквивира
Стал купаться офицер...

«Не позабудь меня вдали...»

Не позабудь меня вдали,
Не разлюби меня в разлуке
И на страдальческие муки
Привет участия пошли.

Гони коварные мечты
В порыве пылких увлечений.
Не позабудь моих молений,
Не разлюби молиться ты!

Чтоб счастье наше не могли
Сгубить навеки злобы руки,
Не позабудь меня в разлуке,
Не разлюби меня вдали.

¹ Моя дорогая (итал.). – Сост. (В.М.)

² Святая Мария! (итал.). – Сост. (В.М.)

³ Проклятый (итал.). – Сост. (В.М.)

Колокольчик

Я простился и помчался,
Мыслью, сердцем был с тобой
И звенел, и заливался
Колокольчик почтовой.

Было скучно мне и больно,
Пыль клубилась предо мной;
Грустно слушал я невольно
Колокольчик почтовой.

Сердце больше не страдает;
Но с тех пор ему порой
Что-то всё напоминает
Колокольчик почтовой.

Отрывок из письма

(Посвящается Г.И. Сокольскому)

«...Что это за город!? Справедливый боже!
Ни одной заезжей, незнакомой рожи...
Не с кем перемолвить «конфиденциально»:
Все глядят так тупо, так официально!
И во всём такая «мерзость запустенья»,
Только что и слышишь: «долг» и «исполненье»...
Но при настоящем пониманье долга —
Кажется порядка не дождаться долго!
Здесь пол прекрасный в разговорах плоских
Мне напоминает попадей московских;
Слушая их речи, видя одеянье, —
Неужели, мыслишь, это «перл созданья»?
Здесь меня сначала очень уважали:
Тридцать два семейства оженить желали;
Тридцать три девицы мне романсы пели —
И при каждом слове девственно краснели;
Каждая альбом мне робко подносила
И стишков на память написать просила;
Измаравши бойко нежную страницу
И себя сравнивши с мрачною гробницей —
И прося стихами нежного вниманья,
Всё-таки я медлил бракосочетаньем...

Вследствие такого долгозамедленья,

Обо мне «мамаши» изменили мнение:
Вдруг я очутился и «масон» и «красный» —
И меня в семейство принимать опасно, —
Что во мне гнездятся «вольные идеи»...
(Так и жду, что скоро попаду в злодеи!)
Потерял совсем я их благоволение!
Вот судья уж не был третье воскресенье!

Я ему за это очень благодарен:
Глуп непроходимо этот тучный барин;
С ним скучаешь страшно; после ж посещения
Остаётся долго некое затмение...

Помнишь, как с тобою мы порой мечтали:
Рим, Париж и Лондон быстро посещали —
И роскошно плыли по водам Лемана,
И виднелась влево пышная Лозанна,
И Шильон угрюмый, Байроном воспетый...⁴
Все теперь трущобой заменилось этой.

Застрелился б с горя в этом заточенье!
Не хочу доставить только развлечение
Жителям: ведь право, из такого вздора
На полгода верно будет разговора!..»

Пародия на стихотворение г. Некрасова «Тройка»

Что повесил головку пустую?
В стороне от наук и труда?
Знать всё манит тебя на Морскую,
Каждый день всё туда да туда?

И зачем ты бежишь торопливо,
Вдруг накинув на плечи шинель?
На тебя, развалившись лениво,
Загляделась в коляске мамзель.

На тебя заглядеться не диво,
Поллюбить тебя каждой не лень:
Вьётся ус темнорусый игриво,
Ростом парень в косую сажень!

Хватит ей на наряд и на ленты,
А тебе впредь на горький урок,
За большие набитый проценты

⁴ Имеется в виду поэма Д.-Г. Байрона «Шильонский узник». *Сост. (В.М.)*

Туго-натуго твой кошелёк.

Взгляд один да французские моды
Распалят в тебе русскую кровь
И отцовские хлопнешь доходы
На поддельную девы любовь.

Поживёшь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна и легка...
Да не то тебе пало на долю:
Ведь именьё пойдёт с молотка.

Ты с шампанским и милой девицей,
Надорвавши и силы и грудь,
Спустишь всё наконец за границей
И придётся тут спину согнуть.

Познакомься с работою трудной,
Отцветёшь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Если нечего будет поесть.

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни – появится вдруг
Горьких слёз да стыда выражение
И последний, тяжёлый недуг.

И схоронят в сырую могилу,
И забудут в Морскую твой путь,
Где утратил и деньги и силу,
Истошил ты и разум и грудь.

Не гляди же с тоской на Морскую,
У Дюссо горькой чаши не пей.
Отправляйся к себе в Моховую
И подумай о жизни своей...

Последние дни жизни и кончина А.С. Пушкина⁵

Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта К.К. Данзаса

Пушкин после женитьбы своей на Наталье Николаевне Гончаровой жил в Петербурге довольно открыто и вёл знакомство почти со всей нашей аристократией. Между лицами, посещавшими часто дом его, был некто барон Дантес, офицер Кавалергардского полка.

Данзас познакомился с Дантесом в 1834 году, обедая с Пушкиным у Дюме, где за общим столом обедал и Дантес, сидя рядом с Пушкиным.

По словам Данзаса, Дантес, при довольно большом росте и приятной наружности, был человек неглупый и хотя весьма скудно образованный, но имевший какую-то врождённую способность нравиться всем с первого взгляда. Способность эта, как увидим ниже, вызвала к нему милостивое внимание покойных государя Николая Павловича и государыни Александры Фёдоровны.

Барон Дантес был французский подданный, хотя предки его происходили из Ирландии. Служа уже во Франции, отец его получил от Наполеона I титул барона. Снабжённый множеством рекомендательных писем, молодой Дантес приехал в Россию с намерением вступить в нашу военную службу. В числе этих писем было одно к графине Фикельмон, пользовавшейся особенным расположением покойной императрицы. Этой-то даме Дантес обязан началом своих успехов в России. На одном из своих вечеров она представила его государыне, и Дантес имел счастье обратить на себя внимание её величества. Счастливым случай покровительствовал Дантесу в представлении его покойному императору Николаю Павловичу. Как известно Данзасу, это произошло следующим образом.

В то время в Петербурге был известный баталический живописец Ладюрнер, соотечественник Дантеса. Покойный государь посещал иногда его мастерскую, находившуюся в Эрмитаже, и в одно из своих посещений, увидя на полотне художника несколько эскизов, изображавших фигуру Людовика Филиппа, спросил Ладюрнера:

– Это не вы, случайно, развлекаетесь подобными работами?

– Нет, государь, это мой соотечественник, легитимист, как и я, господин Дантес.

– Ах, Дантес, я его знаю, императрица говорила мне о нём.

Ладюрнер вытащил Дантеса из-за ширм, куда последний спрятался при входе государя.

Государь милостиво начал с ним разговаривать, и Дантес, пользуясь случаем, тут же просил государя позволить ему вступить в русскую военную службу. Государь изъявил согласие. Императрице было угодно, чтобы Дантес служил в её полку, и, несмотря на дурно выдержанный экзамен, Дантес был принят в Кавалергардский полк, прямо офицером, и, во внимание к его бедности, государь назначил ему от себя ежегодное негласное пособие.

Имея счастливую способность нравиться, Дантес до такой степени приобрел себе любовь бывшего тогда в Петербурге голландского посланника барона Гекерена (Heckerene),

⁵ Примечание (К стр. 27). – Эти записки Александра Николаевича Аммосова были опубликованы впервые в 1863 году, в Санкт-Петербурге, и вышли отдельной брошюрой под названием «Последние дни жизни и кончина А.С. Пушкина. Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта К.К. Данзаса» – и только в более поздних переизданиях авторство стало меняться местами. Появился коммерческий вариант: К.К. Данзас «Последние дни жизни и кончина А.С. Пушкина в записи А. Аммосова», поскольку Данзас, как секундант Пушкина был более известен. Во время Кавказских походов 1859–1863 годов, штабс-капитан Александр Аммосов служил под непосредственным начальством генерал-майора Константина Карловича Данзаса, секунданта последней дуэли А.С. Пушкина, поначалу приговорённого к виселице, а затем сосланного Николаем I на Кавказ «за недонесение». Сблизившись с Данзасом, Аммосов узнал от него обо всех подробностях той исторической дуэли, впоследствии обработав записи и выпустив настоящую брошюру: «Последние дни жизни и кончина А.С. Пушкина. Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта К.К. Данзаса».

человека весьма богатого, что тот, будучи бездетен, усыновил Дантеса, с тем единственным условием, чтобы последний принял его фамилию.

По поводу принятия Дантесом фамилии Гекерена кто-то, в шутку, распустил тогда в городе слух, будто солдаты Кавалергардского полка, коверкая фамилии – Дантес и Гекерен, говорили: «Что это сделалось с нашим поручиком, был дантист, а теперь вдруг стал лекарем».

Дантес пользовался очень хорошей репутацией и, по мнению Данзаса, заслуживал её вполне, если не ставить ему в упрёк фатовство и слабость хвастать своими успехами у женщин. Но не так благоприятно отзывался Константин Карлович о господине Гекерене: по словам его, барон был человек замечательно безнравственный.

Мы распространились несколько об этих лицах потому, что оба они играли весьма важную роль в судьбе нашего поэта. И барон Гекерен, и усыновлённый им барон Дантес вели жизнь совершенно светскую – рассеянную. В 1835 и 1836 годах они часто посещали дом Пушкина и дома Карамзиных и князя Вяземского, где Пушкины были как свои. Но после одного или двух балов на минеральных водах, где были госпожа Пушкина и барон Дантес, по Петербургу вдруг разнеслись слухи, что Дантес ухаживает за женой Пушкина. Слухи эти долетели и до самого Александра Сергеевича, который перестал принимать Дантеса. Вслед за этим Пушкин получил несколько анонимных записок на французском языке; все они слово в слово были одинакового содержания, дерзкого, неблагопристойного.

Автором этих записок, по сходству почерка, Пушкин подозревал барона Гекерена, отца, и даже писал об этом графу Бенкендорфу. После смерти Пушкина многие в этом подозревали князя Гагарина; теперь же подозрение это осталось за жившим тогда вместе с ним князем Петром Владимировичем Долгоруковым.

Поводом к подозрению князя Гагарина в авторстве безыменных писем послужило то, что они были писаны на бумаге одинакового формата с бумагой князя Гагарина. Но, будучи уже за границей, Гагарин признался, что записки действительно были написаны на его бумаге, но только не им, а князем Петром Владимировичем Долгоруковым. Мы не думаем, чтобы это признание сколько-нибудь оправдывало Гагарина – позор соучастия в этом грязном деле, соучастия, если не деятельного, то пассивного, заключающегося в знании и допущении, – остался всё-таки за ним.

Надо думать, что отказ Дантесу от дома не прекратил гнусной интриги. Оскорбительные слухи и записки продолжали раздражать Пушкина и вынудили его наконец покончить с тем, кто был видимым поводом всего этого. Он послал Дантесу вызов через офицера генерального штаба Клементия Осиповича Россета. Дантес, приняв вызов Пушкина, просил на две недели отсрочки. Между тем вызов этот сделался известным Жуковскому, князю Вяземскому и барону Гекерену, отцу. Все они старались потушить историю и расстроить дуэль. Гекерен, между прочим, объявил Жуковскому, что если особенное внимание его сына к госпоже Пушкиной и было принято некоторыми за ухаживание, то всё-таки тут не может

быть места никакому подозрению, никакого повода к скандалу, потому что барон Дантес делал это с благородной целью, имея намерение просить руки сестры госпожи Пушкиной, Катерины Николаевны Гончаровой.

Отправясь с этим известием к Пушкину, Жуковский советовал барону Гекерену, чтобы сын его сделал как можно скорее предложение свояченице Пушкина, если он хочет прекратить все враждебные отношения и неосновательные слухи.

Вследствие ли совета Жуковского или вследствие прежде предположенного им намерения, но Дантес на другой или даже в тот же день сделал предложение, и зимой в 1836 году была его свадьба с девицей Гончаровой.

Во весь промежуток этого времени, несмотря на оскорбительные слухи и дерзкие анонимные записки, Пушкин, сколько известно, не изменил с женой самых нежных дружеских

отношений, сохранил к ней прежнее доверие и не обвинял её ни в чём. Он очень любил и уважал свою жену, и возведённая на неё гнусная клевета глубоко огорчила его: он возненавидел Дантеса и, несмотря на женитьбу его на Гончаровой, не хотел с ним помириться. На свадебном обеде, данном графом Строгановым в честь новобрачных, Пушкин присутствовал, не зная настоящей цели этого обеда, заключавшейся в условленном заранее некоторыми лицами примирении его с Дантесом. Примирение это, однако же, не состоялось, и, когда после обеда барон Гекерен, отец, подойдя к Пушкину, сказал ему, что теперь, когда поведение его сына совершенно объяснилось, он, вероятно, забудет всё прошлое и изменит настоящие отношения свои к нему на более родственные, Пушкин отвечал сухо, что, невзирая на родство, он не желает иметь никаких отношений между его домом и г. Дантесом.

Со свояченицей своей во всё это время Пушкин был мил и любезен по-прежнему и даже весело подшучивал над нею по случаю свадьбы с Дантесом. Раз, выходя из театра, Данзас встретил Пушкиных и поздравил Катерину Николаевну Гончарову, как невесту Дантеса; при этом Пушкин сказал, шутя, Данзасу:

— Моя свояченица не знает теперь, какой национальности она будет: русской, французской или голландской?!

Сухое и почти презрительное обращение в последнее время Пушкина с бароном Гекереном, которого Пушкин не любил и не уважал, не могло не озлобить против него такого человека, каков был Гекерен. Он сделался отъявленным врагом Пушкина и, скрывая это, начал вредить тайно поэту. Будучи совершенно убеждён в невозможности помирить Пушкина с Дантесом, чего он даже едва ли и желал, но, относя негодование первого единственно к чрезмерному самолюбию и ревности, мстительный голландец тем не менее продолжал показывать вид, что хлопочет об этом ненавистном Пушкину примирении, понимая очень хорошо, что это даёт ему повод безнаказанно и беспрестанно мучить и оскорблять своего врага. С этой целью, с помощью других, подобно ему врагов Пушкина, а иногда и недогадливых друзей поэта, он постоянно заботился о встречах его с Дантесом, заставлял сына своего писать к нему письма, в которых Дантес убеждал его забыть прошлое и помириться.

Таких писем Пушкин получил два, одно ещё до обеда, бывшего у графа Строганова, на которое и отвечал за этим обедом барону Гекерену на словах то, что мы сказали уже выше, то есть что он не желает возобновлять с Дантесом никаких отношений. Несмотря на этот ответ, Дантес приезжал к Пушкину с свадебным визитом; но Пушкин его не принял. Вслед за этим визитом, который Дантес сделал Пушкину, вероятно, по совету Гекерена, Пушкин получил второе письмо от Дантеса. Это письмо Пушкин, не распечатывая, положил в карман и поехал к бывшей тогда фрейлине госпоже Загряжской, с которой был в родстве. Пушкин через неё хотел возвратить письмо Дантесу; но, встретясь у ней с бароном Гекереном, он подошёл к тому и, вынув письмо из кармана, просил барона возвратить его тому, кто писал его, прибавив, что не только читать писем Дантеса, но даже и имени его он слышать не хочет.

Верный принятому им намерению постоянно раздражать Пушкина, Гекерен отвечал, что так как письмо это писано было к Пушкину, а не к нему, то он и не может принять его.

Этот ответ взорвал Пушкина, и он бросил письмо в лицо Гекерену, со словами:

— Ты возмёшь его, негодяй!

После этой истории Гекерен решительно ополчился против Пушкина и в петербургском обществе образовались две партии: одна за Пушкина, другая — за Дантеса и Гекерена. Партии эти, действуя враждебно друг против друга, одинаково преследовали поэта, не давая ему покоя.

На стороне барона Гекерена и Дантеса был, между прочим, и покойный граф Бенкендорф, не любивший Пушкина. Одним только этим расположением, говорит Данзас, и можно объяснить, что дуэль Пушкина не была остановлена полицией. Жандармы были

посланы, как он слышал, в Екатерингоф, будто бы по ошибке, думая, что дуэль должна была происходить там, а она была за Чёрной речкой около Комендантской дачи...

Пушкин дрался среди белого дня и, так сказать, почти в глазах всех!

Партизаны враждующих сторон разделились весьма странным образом, например: одна часть офицеров Кавалергардского полка, товарищей Дантеса, была за него, другая за Пушкина; князь Б. был за Пушкина, а княгиня, жена его, против Пушкина, за Дантеса, вероятно, по случаю родства своего с графом Бенкендорфом. Замечательно, что почти все те из светских дам, которые были на стороне Гекерена и Дантеса, не отличались блистательной репутацией и не могли служить примером нравственности; в число их Данзас не включает, однако же, княгиню Б.

Борьба этих партий заключалась в том, что в то время как друзья Пушкина и всё общество, бывшее на его стороне, старались всячески опровергать и отклонять от него все распускаемые врагами поэта оскорбительные слухи, отводить его от встреч с Гекереном и Дантесом, противная сторона, наоборот, усиливалась их сводить вместе, для чего нарочно устраивали балы и вечера, где жена Пушкина, вдруг неожиданно, встречала Дантеса.

Зная, как все эти обстоятельства были неприятны для мужа, Наталья Николаевна предлагала ему уехать с нею на время куда-нибудь из Петербурга; но Пушкин, потеряв всякое терпение, решил кончить это иначе. Он написал барону Гекерену в весьма сильных выражениях известное письмо, которое и было окончательной причиной роковой дуэли нашего поэта.

Говорят, что, получив это письмо, Гекерен бросился за советом к графу Строганову и что граф, прочитав письмо, дал совет Гекерену, чтобы его сын, барон Дантес, вызвал Пушкина на дуэль, так как после подобной обиды, по мнению графа, дуэль была единственным исходом.

В ответ Пушкину барон Гекерен написал письмо, в котором объявил, что сын его пришлёт ему своего секунданта. С вызовом к Пушкину от Дантеса приехал служивший тогда при французском посольстве виконт д'Аршиак.

27 января 1837 года К.К. Данзас, проходя по Пантелеймоновской улице, встретил Пушкина в санях. В этой улице жил тогда К.О. Россет; Пушкин, как полагает Данзас, заезжал сначала к Россету и, не застав последнего дома, поехал уже к нему. Пушкин остановил Данзаса и сказал:

– Данзас, я ехал к тебе, садись со мной в сани и поедem во французское посольство, где ты будешь свидетелем одного разговора.

Данзас, не говоря ни слова, сел с ним в сани, и они поехали в Большую Миллионную. Во время пути Пушкин говорил с Данзасом, как будто ничего не бывало, совершенно о посторонних вещах. Таким образом доехали они до дома французского посольства, где жил д'Аршиак. После обыкновенного приветствия с хозяином Пушкин сказал громко, обращаясь к Данзасу:

– Я хочу теперь посвятить вас во всё, – и начал рассказывать ему всё, что происходило между ним, Дантесом и Гекереном, то есть то, что читателям известно из сказанного нами выше.

Пушкин окончил своё объяснение следующими словами:

– Теперь единственное, что я хочу вам сказать, – это то, что если дело не окончится сегодня же, то при первой встрече с Гекереном, отцом или сыном, я плюну им в лицо.

Тут он указал на Данзаса и прибавил: «Вот мой секундант...»

Потом обратился к Данзасу с вопросом:

– Вы согласны?

После утвердительного ответа Данзаса Пушкин уехал, предоставив Данзасу, как своему секунданту, условиться с д'Аршиаком о дуэли.

Вот эти условия.

Драться Пушкин с Дантесом должен был в тот же день 27 января в 5-м часу пополудни. Место поединка было назначено секундантами за Чёрной речкой возле Комендантской дачи. Оружием выбраны пистолеты. Стреляться соперники должны были на расстоянии двадцати шагов, с тем, чтобы каждый мог сделать пять шагов и подойти к барьеру; никому не было дано преимущества первого выстрела; каждый должен был сделать один выстрел, когда будет ему угодно, но в случае промаха с обеих сторон дело должно было начаться снова на тех же условиях. Личных объяснений между противниками никаких допущено не было; в случае же надобности за них должны были объясняться секунданты.

По желанию д'Аршиака условия поединка были сделаны на бумаге.

С этой роковой бумагой Данзас возвратился к Пушкину. Он застал его дома, одного. Не прочитав даже условий, Пушкин согласился на всё. В разговоре о предстоящей дуэли Данзас заметил ему, что, по его мнению, он бы должен был стреляться с бароном Гекереном, отцом, а не с сыном, так как оскорбительное письмо он написал Гекерену, а не Дантесу. На это Пушкин ему отвечал, что Гекерен, по официальному своему положению, драться не может.

Условясь с Пушкиным сойтись в кондитерской Вольфа, Данзас отправился сделать нужные приготовления. Наняв парные сани, он заехал в оружейный магазин Куракина за пистолетами, которые были уже выбраны Пушкиным заранее; пистолеты эти были совершенно схожи с пистолетами д'Аршиака. Уложив их в сани, Данзас приехал к Вольфу, где Пушкин уже ожидал его.

Было около 4-х часов.

Выпив стакан лимонаду или воды, Данзас не помнит, Пушкин вышел с ним из кондитерской; сели в сани и отправились по направлению к Троицкому мосту.

Бог весть что думал Пушкин. По наружности он был покоен...

Конечно, ни один сколько-нибудь мыслящий русский человек не был бы в состоянии оставаться равнодушным, провожая Пушкина, быть может, на верную смерть; тем более понятно, что чувствовал Данзас. Сердце его сжималось при одной мысли, что через несколько минут, может быть, Пушкина уже не станет. Напрасно усиливался он льстить себя надеждою, что дуэль расстроится, что кто-нибудь её остановит, кто-нибудь спасёт Пушкина; мучительная мысль не отставала.

На Дворцовой набережной они встретили в экипаже г-жу Пушкину. Данзас узнал её, надежда в нём блеснула, встреча эта могла поправить всё. Но жена Пушкина была близорука; а Пушкин смотрел в другую сторону.

День был ясный. Петербургское великосветское общество каталось на горах, и в то время некоторые уже оттуда возвращались. Много знакомых и Пушкину и Данзасу встречались, раскланивались с ними, но никто как будто и не догадывался, куда они ехали; а между тем история Пушкина с Гекеренами была хорошо известна всему этому обществу.

На Неве Пушкин спросил Данзаса, шутя: «Не в крепость ли ты везёшь меня?» – «Нет, – отвечал Данзас, – через крепость на Чёрную речку самая близкая дорога».

На Каменноостровском проспекте они встретили в санях двух знакомых офицеров

Конного полка: князя В.Д. Голицына и Головина. Думая, что Пушкин и Данзас ехали на горы, Голицын закричал им: «Что вы так поздно едете, все уже оттуда разъезжаются?!»

Данзас не знает, по какой дороге ехали Дантес с д'Аршиаком; но к Комендантской даче они с ними подъехали в одно время. Данзас вышел из саней и, сговорясь с д'Аршиаком, отправился с ним отыскивать удобное для дуэли место. Они нашли такое саженьях в полутора от Комендантской дачи, более крупный и густой кустарник окружал здесь площадку и мог скрывать от глаз оставленных на дороге извозчиков то, что на ней происходило. Избрав это место, они утоптали ногами снег на том пространстве, которое нужно было для поединка, и потом позвали противников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.